

Белая береза под моим окном... Сергей Александрович Есенин

Стихотворения

«Вот уж вечер. Роса...»

Вот уж вечер. Роса

Блестит на крапиве.

Я стою у дороги,

Прислонившись к иве.

От луны свет большой

Прямо на нашу крышу.

Где-то песнь соловья

Вдалеке я слышу.

Хорошо и тепло,

Как зимой у печки.

И березы стоят,

Как большие свечки.

И вдали за рекой,

Видно, за опушкой,

Сонный сторож стучит

Мертвой колотушкой.

1910

«Поет зима – аукает...»

Поет зима – аукает,

Мохнатый лес баюкает

Стозвоном сосняка.

Кругом с тоской глубокою

Плывут в страну далекую

Седые облака.

А по двору метелица

Ковром шелковым стелется, Но больно холодна.

Воробышки игривые,

Как детки сиротливые,

Прижались у окна.

Озябли пташки малые,

Голодные, усталые,

И жмутся поплотней.

А вьюга с ревом бешеным

Стучит по ставням свешенным

И злится все сильней.

И дремлют пташки нежные

Под эти вихри снежные

У мерзлого окна.

И снится им прекрасная,

В улыбках солнца ясная

Красавица весна.

1910

«Матушка в Купальницу по лесу ходила...»

Матушка в Купальницу по лесу ходила, Босая, с подтыками, по росе бродила.

Травы воровбиные ноги ей кололи, Плакала родимая в купырях от боли.

Не дознамо печени судорга схватила, Охнула кормилица, тут и породила.

Родился я с песнями в травном одеяле.

Зори меня вешние в радугу свивали.

Вырос я до зрелости, внук купальской ночи, Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

Только не по совести счастье наготове, Выбираю удалью и глаза и брови.

Как снежинка белая, в просини я таю, Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю.

1912

«Сыплет черемуха снегом...»

Сыплет черемуха снегом,

Зелень в цвету и росе.

В поле, склоняясь к побегам, Ходят грачи в полосе.

Никнут шелковые травы,

Пахнет смолистой сосной.

Ой вы, луга и дубравы, —

Я одурманен весной.

Радугой тайные вести

Светятся в душу мою.

Думаю я о невесте,

Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черемуха, снегом, Пойте вы, птахи, в лесу.

По полю зыбистым бегом

Пеной я цвет разнесу.

1910

Береза

Белая береза

Под моим окном

Принакрылась снегом,

Точно серебром.

На пушистых ветках

Снежную каймой

Распустились кисти

Белой бахромой.

И стоит береза

В сонной тишине,

И горят снежинки

В золотом огне.

А заря, лениво

Обходя кругом,

Обсыпает ветки

Новым серебром.

1913

Бабушкины сказки

В зимний вечер по задворкам

Разухабистой гурьбой

По сугробам, по пригоркам

Мы идем, бредем домой.

Опостылеют салазки,

И садимся в два рядка

Слушать бабушкины сказки

Про Ивана-дурака.

И сидим мы, еле дышим.

Время к полночи идет.

Притворимся, что не слышим, Если мама спать зовет.

Сказки все. Пора в постели...

Но, а как теперь уж спать?

И опять мы загалдели,

Начинаем приставать.

Скажет бабушка несмело:

«Что ж сидеть-то до зари?»

Ну, а нам какое дело —

Говори да говори.

〈1913–1915〉

Калики

Проходили калики деревнями, Выпивали под окнами квасу, У церквей пред затворами древними

Поклонялись пречистому Спасу.

Пробиралися странники по полю, Пели стих о сладчайшем Иисусе.

Мимо клячи с поклажею топали, Подпевали горластые гуси.

Ковыляли убогие по стаду, Говорили страдальные речи: «Все единому служим мы Господу, Возлагая вериги на плечи».

Вынимали калики поспешливо

Для коров сбереженные крохи.

И кричали пастушки насмешливо: «Девки, в пляску! Идут скоморохи!»

1910

Пороша

Еду. Тихо. Слышны звоны

Под копытом на снегу.

Только серые вороны

Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,

Дремлет лес под сказку сна.

Словно белую косынкой

Повязалась сосна.

Понагнулась, как старушка, Оперлася на клюку,

А под самую макушкой

Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много.

Валит снег и стелет шаль.

Бесконечная дорога

Убегает лентой вдаль.

⟨1914⟩

«Колокол дремавший...»

Колокол дремавший

Разбудил поля,

Улыбнулась солнцу

Сонная земля.

Понеслись удары

К синим небесам,

Звонко раздаётся

Голос по лесам.

Скрылась за рекою

Белая луна,

Звонко побежала

Резвая волна.

Тихая долина

Отгоняет сон,

Где-то за дорогой

Замирает звон.

⟨1914⟩

«Край любимый! Сердцу снятся...»

Край любимый! Сердцу снятся

Скирды солнца в водах лонных.

Я хотел бы затеряться

В зеленях твоих стозвонных.

По меже, на переметке,

Резеда и риза кашки.

И вызванивают в четки

Ивы – кроткие монашки.

Курит облаком болото,

Гарь в небесном коромысле.

С тихой тайной для кого-то

Затаил я в сердце мысли.

Все встречаю, все приемлю, Рад и счастлив душу вынуть.

Я пришел на эту землю,

Чтоб скорей ее покинуть.

«Шел Господь пытать людей в любви...»

Шел Господь пытать людей в любви, Выходил он нищим на кулижку.

Старый дед на пне сухом, в дуброве, Жамкал деснами зачерствелую пышку.

Увидал дед нищего дорогой, На тропинке, с клюшкою железной, И подумал: «Вишь, какой убогой, —Знать, от голода качается, болезный».

Подошел Господь, скрывая скорбь и муку: Видно, мол, сердца их не разбудишь...

И сказал старик, протягивая руку: «На, пожуй... маленько крепче будешь».

1914

«Гой ты, Русь, моя родная...»

Гой ты, Русь, моя родная, Хаты – в ризах образа...

Не видать конца и края —

Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,

Я смотрю твои поля.

А у низеньких околиц

Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом

По церквам твой кроткий Спас.

И гудит за корогодом

На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке

На приволь зеленых лех,

Мне навстречу, как сережки, Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая: «Кинь ты Русь, живи в раю!»

Я скажу: «Не надо рая,

Дайте родину мою».

1914

С добрым утром!

Задремали звезды золотые, Задрожало зеркало затона, Брезжит свет на заводи речные

И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные березки, Растрепали шелковые косы.

Шелестят зеленые сережки, И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива

Обрядилась ярким перламутром

И, качаясь, шепчет шаловливо: «С добрым утром!»

⟨1914⟩

«Сторона ль моя, сторонка...»

Сторона ль моя, сторонка, Горевая полоса.

Только лес, да посолонка, Да заречная коса...

Чахнет старая церквушка,

В облака закинув крест.

И забольная кукушка

Не летит с печальных мест.

По тебе ль, моей сторонке, В половодье каждый год

С подожочка и котомки

Богомольный льется пот.

Лица пыльны, загорелы,

Веки выглядала даль,

И впилась в худое тело

Спаса кроткого печаль.

1915

Черемуха

Черемуха душистая

С весною расцвела

И ветки золотистые,

Что кудри, завипа.

Кругом роса медвяная

Сползает по коре,

Под нею зелень пряная

Сияет в серебре.

А рядом, у проталинки,

В траве, между корней,

Бежит, струится маленький

Серебряный ручей.

Черемуха душистая,

Развесившись, стоит,

А зелень золотистая

На солнышке горит.

Ручей волной гремучею

Все ветки обдает

И вкрадчиво под кручею

Ей песенки поет.

〈1915〉

«Край ты мой заброшенный...»

Край ты мой заброшенный,

Край ты мой, пустырь.

Сенокос некошенный,

Лес да монастырь.

Избы забоченились,

А и всех-то пять.

Крыши их запенились

В заревую гать.

Под соломой-ризою

Выступы стропил.

Ветер плесень сизую

Солнцем окропил.

В окна бьют без промаха

Вороны крылом,

Как метель, черемуха

Машет рукавом.

Уж не сказ ли в прутнике, Жисть твоя и быть,

Что под вечер путнику

Нашептал ковыль?

1914

«Топи да болота...»

Топи да болота,

Синий плат небес.

Хвойной позолотой

Взвенивает лес.

Тенькает синица

Меж лесных кудрей,

Темным елям снится

Гомон косарей.

По лугу со скрипом

Тянется обоз —

Суховатой липой

Пахнет от колес.

Слушают ракиты

Посвист ветряной...

Край ты мой забытый,

Край ты мой родной!..

1914

Руси

Тебе одной плету венки,

Цветами сыплю стежку серую.

О Русь, покойный уголок,

Тебя люблю, тебе и верую.

Гляжу в простор твоих полей, Ты вся – далекая и близкая.

Сродни мне посвист журавлей

И не чужда тропинка склизкая.

Цветет болотная купель,

Куга зовет к вечерне длительной, И по кустам звенит капель

Росы холодной и целительной.

И хоть сгоняет твой туман

Поток ветров, крылато дующих, Но вся ты – смирна и ливан

Волхвов, потайственно волхвующих.

〈1915〉

«Не бродить, не мять в кустах багряных...»

Не бродить, не мять в кустах багряных

Лебеда и не искать следа.

Со снопом волос твоих овсяных

Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже, Нежная, красивая, была

На закат ты розовый похожа

И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли, Имя тонкое растаяло, как звук, Но остался в складках смятой шали

Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше, Как котенок, моет лапкой рот, Говор кроткий о тебе я слышу

Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер, Что была ты песня и мечта, Всё ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи —К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных

Лебеда и не искать следа.

Со снопом волос твоих овсяных

Отоснилась ты мне навсегда.

1916

«Даль подернулась туманом...»

Даль подернулась туманом, Чешет тучи лунный гребень.

Красный вечер за куканом

Расстелил кудрявый бредень.

Под окном от скользких ветел

Перепельи звоны ветра.

Тихий сумрак, ангел теплый, Напоен нездешним светом.

Сон избы легко и ровно

Хлебным духом сеет притчи.

На сухой соломе в дровнях

Слаще меда пот мужичий.

Чей-то мягкий лик за лесом, Пахнет вишнями и мохом...

Друг, товарищ и ровесник, Помолись коровьим вздохам.

Июнь 1916

«Там, где вечно дремлет тайна...»

Там, где вечно дремлет тайна, Есть нездешние поля.

Только гость я, гость случайный

На горах твоих, земля.

Широки леса и воды,

Крепок взмах воздушных крыл.

Но века твои и годы

Затуманил бег светил.

Не тобой я поцелован,

Не с тобой мой связан рок.

Новый путь мне уготован

От захода на восток.

Суждено мне изначально

Возлететь в немую тьму.

Ничего я в час прощальный

Не оставлю никому.

Но за мир твой, с выси звездной, В тот покой, где спит гроза, В две луны зажгу над бездной

Незакатные глаза.

1916

Голубень

В прозрачном холоде заголубели доли, Отчетлив стук подкованных копыт, Трава, поблекшая, в расстеленные полы

Сбирает медь с обветренных раки.

С пустых лощин ползет дугою тощей

Сырой туман, курчаво свившись в мох, И вечер, свесившись над речкою, полощет

Водою белой пальцы синих ног.

Осенним холодом расцвечены надежды, Бредет мой конь, как тихая судьба, И ловит край махающей одежды

Его чуть мокрая буланая губа.

В дорогу дальнюю, не к битве, не к покою, Влекут меня незримые следы, Погаснет день, мелькнув пятой златою, И в короб лет улягутся труды.

Сыпучей ржавчиной краснеют по дороге

Холмы плешивые и слегшийся песок, И пляшет сумрак в галочьей тревоге, Согнув луну в пастушеский рожок.

Молочный дым качает ветром села, Но ветра нет, есть только легкий звон.

И дремлет Русь в тоске своей веселой, Вцепивши руки в желтый крутосклон.

Манит ночлег, недалеко до хаты, Укропом вялым пахнет огород, На грядки серые капусты волноватой

Рожок луны по капле масло льет.

Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость хлеба

И с хрустом мысленно кусаю огурцы, За ровной гладью вздрогнувшее небо

Выводит облако из стойла под уздцы.

Ночлег, ночлег, мне издавна знакома

Твоя попутная разымчивость в крови, Хозяйка спит, а свежая солома

Примята ляжками вдовеющей любви.

Уже светает, краской тараканьей

Обведена божница по углу, Но мелкий дождь своей молитвой ранней

Еще стучит по мутному стеклу.

Опять передо мною голубое поле, Качают лужи солнца рдяный лик.

Иные в сердце радости и боли, И новый говор липнет на язык.

Водою зыбкой стынет синь во взорах, Бредет мой конь, откинув удила, И горстью смуглою листвы последний ворох

Кидает ветер вслед из подола.

1917

«О Матерь Божья...»

О Матерь Божья,

Спади звездой

На бездорожье,

В овраг глухой.

Пролей, как масло,

Власа луны

В мужичьи ясли

Моей страны.

Срок ночи долог.

В них спит твой сын.

Спусти, как полог,

Зарю на синь.

Окинь улыбкой

Мирскую весь

И солнце зыбкой

К кустам привесь.

И да взыграет

В ней, славя день,

Земного рая

Святой младень.

1917

«О пашни, пашни, пашни...»

О пашни, пашни, пашни,

Коломенская грусть.

На сердце день вчерашний, А в сердце светит Русь.

Как птицы свищут версты

Из-под копыт коня.

И брызжет солнце горстью

Свой дождик на меня.

О край разливов грозных

И тихих вешних сил,

Здесь по заре и звездам

Я школу проходил.

И мыслил и читал я

По библии ветров,

И пас со мной Исая

Моих златых коров.

1917

«О Русь, взмахни крылами...»

О Русь, взмахни крылами,

Поставь иную крепь!

С иными именами

Встает иная степь.

По голубой долине,

Меж телок и коров,

Идет в золотой ряднине

Твой Алексей Кольцов.

В руках – краюха хлеба,

Уста – вишневый сок.

И вывездило небо

Пастушеский рожок.

За ним, с снегов и ветра, Из монастырских врат,

Идет, одетый светом,

Его середний брат.

От Вытегры до Щуи

Он избродил весь край

И выбрал кличку – Клюев,

Смиренный Миколай.

Монашья мудр и ласков,

Он весь в резьбе молвы,

И тихо сходит пасха

С бескудрой головы.

А там, за взгорьем смолым, Иду, тропу тая,

Кудрявый и веселый,

Такой разбойный я.

Долга, крута дорога,

Несчетны склоны гор;

Но даже с тайной Бога

Веду я тайно спор.

Сшибаю камнем месяц

И на немую дрожь

Бросаю, в небо свесясь,

Из голенища нож.

За мной незримым роем

Идет кольцо других,

И далеко по селам

Звенит их бойкий стих.

Из трав мы вяжем книги,

Слова трясем с двух пол.

И сродник наш, Чапыгин,

Певуч, как снег и дол.

Сокройся, сгинь ты, племя

Смердящих снов и дум!

На каменное темя

Несем мы звездный шум.

Довольно гнить и ноять,

И славить взлетом гнусь —Уж смыла, стерла деготь

Воспрянувшая Русь.

Уж повела крылами

Ее немая крепь!

С иными именами

Встает иная степь.

1917

«Нивы сжаты, рощи голы...»

Нивы сжаты, рощи голы,

От воды туман и сырость.

Колесом за сини горы

Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.

Ей сегодня примечталось,

Что совсем, совсем немного

Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой

Увидал вчера в тумане:

Рыжий месяц жеребенком

Запрягался в наши сани.

1917

«Разбуди меня завтра рано...»

Разбуди меня завтра рано, О моя терпеливая мать!

Я пойду за дорожным курганом

Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще

След широких колес на лугу.

Треплет ветер под облачной кущей

Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчится, Шапку-месяц пригнув под кустом, И игриво взмахнет кобылица

Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано, Засвети в нашей горнице свет.

Говорят, что я скоро стану

Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,

Нашу печь, петуха и кров...

И на песни мои прольется

Молоко твоих рыжих коров.

1917

«Я покинул родимый дом...»

Я покинул родимый дом,

Голубую оставил Русь.

В три звезды березняк над прудом

Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна

Распласталась на тихой воде.

Словно яблонный цвет, седина

У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!

Долго петь и звенеть пурге.

Стережет голубую Русь

Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем

Тем, кто листьям целует дождь, Оттого что тот старый клен

Головой на меня похож.

1918

«Заметает пурга...»

Заметает пурга

Белый путь,

Хочет в мягких снегах

Потонуть.

Ветер резвый уснул

На пути;

Ни проехать в лесу,

Ни пройти.

Забежала коляда

На село,

В руки белые взяла

Помело.

Гей вы, нелюди-люди,

Народ,

Выходите с дороги

Вперед!

Испугалась пурга

На снегах,

Побежала скорей

На луга.

Ветер тоже спросонок

Вскочил

Да и шапку с кудрей

Уронил.

Утром ворон к березыньке

Стук...

И повесил ту шапку

На сук.

⟨1917⟩

Хулиган

Дождик мокрыми метлами чистит

Ивняковый помет по лугам.

Плюйся, ветер, охапками листьев, —Я такой же, как ты, хулиган.

Я люблю, когда синие чащи, Как с тяжелой походкой волы, Животами, листвой хрипящими, По коленкам марают стволы.

Вот оно, мое стадо рыжее!

Кто ж воспеть его лучше мог?

Вижу, вижу, как сумерки лижут

Следы человеческих ног.

Русь моя, деревянная Русь!

Я один твой певец и глашатай.

Звериных стихов моих грусть

Я кормил резедой и мятой.

Взбрезжи, полночь, луны кувшин

Зачерпнуть молока берез!

Словно хочет кого придушить

Руками крестов погост!

Бродит черная жуть по холмам, Злобу вора струит в наш сад, Только сам я разбойник и хам

И по крови степной конокрад.

Кто видал, как в ночи кипит

Кипяченных черемух рать?

Мне бы в ночь в голубой степи

Где-нибудь с кистенем стоять.

Ах, увял головы моей куст, Засосал меня песенный плен.

Осужден я на каторге чувств

Вертеть жернова поэм.

Но не бойся, безумный ветер, Плюй спокойно листвой по лугам.

Не сотрет меня кличка «поэт», Я и в песнях, как ты, хулиган.

1919

«Грубым дается радость...»

Грубым дается радость.

Нежным дается печаль.

Мне ничего не надо,

Мне никого не жаль.

Жаль мне себя немного,

Жалко бездомных собак.

Эта прямая дорога

Меня привела в кабак.

Что ж вы ругаетесь, дьяволы?

Иль я не сын страны?

Каждый из нас закладывал

За рюмку свои штаны.

Мутно гляжу на окна.

В сердце тоска и зной.

Катится, в солнце измокнув, Улица передо мной.

А на улице мальчик сопливый.

Воздух поджарен и сух.

Мальчик такой счастливый

И ковыряет в носу.

Ковыряй, ковыряй, мой милый, Суй туда палец весь,

Только вот с эфтой силой

В душу свою не лезь.

Я уж готов. Я робкий.

Глянь на бутылок рать!

Я собираю пробки —

Душу мою затыкать.

1922

«Мне осталась одна забава...»

Мне осталась одна забава: Пальцы в рот и веселый свист.

Прокатилась дурная слава, Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!

Много в жизни смешных потерь.

Стыдно мне, что я в Бога верил.

Горько мне, что не верю теперь.

Золотые, далекие дали!

Все сжигает житейская мреть.

И похабничал я и скандалил

Для того, чтобы ярче гореть.

Дар поэта – ласкать и карябать, Роковая на нем печать.

Розу белую с черною жабой

Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не сбылись

Эти помыслы розовых дней.

Но коль черти в душе гнездились —Значит, ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,

Отправляясь с ней в край иной, Я хочу при последней минуте

Попросить тех, кто будет со мной, —Чтоб за все за грехи мои тяжкие, За неверие в благодать

Положили меня в русской рубашке

Под иконами умирать.

1923

«Я усталым таким еще не был...»

Я усталым таким еще не был.

В эту серую морозь и слизь

Мне приснилось рязанское небо

И моя непутевая жизнь.

Много женщин меня любило, Да и сам я любил не одну, Не от этого ль темная сила

Приучила меня к вину?

Бесконечные пьяные ночи

И в разгуле тоска не впервые!

Не с того ли глаза мне точит, Словно синие листья, червь?

Не больна мне ничья измена, И не радуется легкость побед, —Тех волос золотое сено

Превращается в серый цвет.

Превращается в пепел и воды, Когда цедит осенняя муть.

Мне не жаль вас, прошедшие годы, —Ничего не хочу вернуть.

Я устал себя мучить бесцельно, И с улыбкою странной лица

Полюбил я носить в легком теле

Тихий свет и покой мертвеца...

И теперь даже стало не тяжело

Ковылять из притона в притон, Как в смирительную рубашку, Мы природу берем в бетон.

И во мне, вот по тем же законам, Умиряется бешеный пыл.

Но и все ж отношусь я с поклоном

К тем полям, что когда-то любил.

В те края, где я рос под кленом, Где резвился на желтой траве, —Шлю привет воробьям, и воронам, И рыдающей в ночь сове.

Я кричу им в весенние дали: «Птицы милые, в синюю дрожь

Передайте, что я отскандалил, —Пусть хоть ветер теперь начинает

Под микитки дубасить рожь».

1923

«Не ругайтесь. Такое дело!..»

Не ругайтесь. Такое дело!

Не торговец я на слова.

Запрокинулась и отяжелела

Золотая моя голова.

Нет любви ни к деревне, ни к городу, Как же смог я ее донести?

Брошу всё. Отпущу себе бороду

И бродягой пойду по Руси.

Позабуду поэмы и книги,

Перекину за плечи суму,

Оттого что в полях забуддыге

Ветер больше поет, чем кому.

Провоняю я редькой и луком

И, тревожа вечернюю гладь, Буду громко сморкаться в руку

И во всем дурака валять.

И не нужно мне лучшей удачи, Лишь забыться и слушать пургу, Оттого что без этих чудачеств

Я прожить на земле не могу.

1922

«Не жалею, не зову, не плачу...»

Не жалею, не зову, не плачу, Всё пройдет, как с белых яблонь дым.

Увядая златом охваченный, Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться, Сердце, тронутое холодком, И страна березового ситца

Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты всё реже, реже

Расшевеливаешь пламень уст.

О моя утраченная свежесть, Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях, Жизнь моя? иль ты приснилась мне?

Словно я весенней гулкой ранью

Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны, Тихо льется с кленов листьев медь...

Будь же ты вовек благословенно, Что пришло процвести и умереть.

1921

«Я обманывать себя не стану...»

Я обманывать себя не стану, Залегла забота в сердце мгlistом.

Отчего прослыл я шарлатаном?

Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я и не грабил лесом, Не расстреливал несчастных по темницам.

Я всего лишь уличный повеса, Улыбающийся встречным лицам.

Я московский озорной гуляка.

По всему тверскому околотку

В переулках каждая собака

Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь

Головой кивает мне навстречу.

Для зверей приятель я хороший, Каждый стих мой душу зверя лечит.

Я хожу в цилиндре не для женщин —В глупой страсти сердце жить не в силе, —В нем удобней, грусть свою уменьшив, Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею, Я иному покорился царству.

Каждому здесь кобелю на шею

Я готов отдать мой лучший галстук.

И теперь уж я болеть не стану.

Прояснилась омут в сердце мгlistом.

Оттого прослыл я шарлатаном, Оттого прослыл я скандалистом.

1922

Письмо матери

Ты жива ещё, моя старушка?

Жив и я. Привет тебе, привет!

Пусть струится над твоей избушкой

Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу, Загрустила шибко обо мне, Что ты часто ходишь на дорогу

В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке

Часто видится одно и то ж: Будто кто-то мне в кабацкой драке

Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.

Это только тягостная бредь.

Не такой уж горький я пропойца, Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный

И мечтаю только лишь о том, Чтоб скорее от тоски мятежной

Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви

По-весеннему наш белый сад.

Только ты меня уж на рассвете

Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечалось, Не волнуй того, что не сбылось, —Слишком раннюю утрату и усталость

Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!

К старому возврата больше нет.

Ты одна мне помощь и отрада, Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу, Не грусти так шибко обо мне.

Не ходи так часто на дорогу

В старомодном ветхом шушуне.

1924

«Заметался пожар голубой...»

Заметался пожар голубой,

Позабылись родимые дали.

В первый раз я запел про любовь, В первый раз отрекаюсь скандалять.

Был я весь – как запущенный сад, Был на женщин и зелье падкий.

Разонравилось пить и плясать

И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя, Видеть глаз злато-карий омут, И чтоб, прошлое не любя,

Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан, Если б знала ты сердцем упорным, Как умеет любить хулиган, Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки

И стихи бы писать забросил, Только б тонко касаться руки

И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой

Хоть в свои, хоть в чужие дали...

В первый раз я запел про любовь, В первый раз отрекаюсь скандалять.

1923

«Ты прохладой меня не мучай...»

Ты прохладой меня не мучай

И не спрашивай, сколько мне лет.

Одержимый тяжелой падучей, Я душой стал, как желтый скелет.

Было время, когда из предместья

Я мечтал по-мальчишески – в дым, Что я буду богат и известен

И что всеми я буду любим.

Да! Богат я, богат с излишком.

Был цилиндр, а теперь его нет.

Лишь осталась одна манишка

С модной парой избитых штиблет.

И известность моя не хуже, От Москвы по парижскую рвань

Мое имя наводит ужас,

Как заборная, громкая брань.

И любовь, не забавное ль дело?

Ты целуешь, а губы как жель.

Знаю, чувство мое перезрело, А твое не сумеет расцвести.

Мне пока горевать еще рано, Ну, а если есть грусть – не беда!

Золотей твоих кос по курганам

Молодая шумит лебеда.

Я хотел бы опять в ту местность, Чтоб под шум молодой лебеды

Утонуть навсегда в неизвестность

И мечтать по-мальчишески – в дым.

Но мечтать о другом, о новом, Непонятном земле и траве, Что не выразить сердцу словом

И не знает назвать человек.

1923

«Мне грустно на тебя смотреть...»

Мне грустно на тебя смотреть, Какая боль, какая жалость!

Знать, только ивовая медь

Нам в сентябре с тобой осталась.

Чужие губы разнесли

Твое тепло и трепет тела.

Как будто дождик моросит

С души, немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.

Иная радость мне открылась.

Ведь не осталось ничего,

Как только желтый тлен и сырость.

Ведь и себя я не сберег

Для тихой жизни, для улыбок.

Так мало пройдено дорог,

Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.

Так было и так будет после.

Как кладбище, усеян сад

В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы

И отшумим, как гости сада...

Коль нет цветов среди зимы, Так и грустить о них не надо.

1923

«Вечер черные брови насопил...»

Вечер черные брови насопил.

Чьи-то кони стоят у двора.

Не вчера ли я молодость пропил?

Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храпи, запоздалая тройка!

Наша жизнь пронеслась без следа.

Может, завтра больничная койка

Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-другому

Я уйду, исцеленный навек, Слушать песни дождей и черемух, Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,

Что терзали меня, губя.

Облик ласковый! Облик милый!

Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую, Но и с нею, с любимой, с другой, Расскажу про тебя, дорогую, Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла былая

Наша жизнь, что былой не была...

Голова ль ты моя удалая,

До чего ж ты меня довела?

1923

Пушкину

Мечтая о могучем даре

Того, кто русской стал судьбой, Стою я на Тверском бульваре, Стою и говорю с собой.

Блондинистый, почти белесый, В легендах ставший как туман, О Александр! Ты был повеса, Как я сегодня хулиган.

Но эти милые забавы

Не затемнили образ твой,

И в бронзе выкованной славы

Трясешь ты гордой головой.

А я стою, как пред причастьем, И говорю в ответ тебе:

Я умер бы сейчас от счастья, Сподобленный такой судьбе.

Но, обреченный на гоненье, Еще я долго буду петь...

Чтоб и мое степное пенье

Сумело бронзой прозвенеть.

1924

«Мы теперь уходим понемногу...»

Мы теперь уходим понемногу

В ту страну, где тишь и благодать.

Может быть, и скоро мне в дорогу

Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!

Ты, земля! И вы, равнин пески!

Перед этим сонмом уходящих

Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете

Всё, что душу облекает в плоть.

Мир осинам, что, раскинув ветви, Загляделись в розовую водь.

Много дум я в тишине продумал, Много песен про себя сложил, И на этой на земле угрюмой

Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин, Мял цветы, валялся на траве

И зверье, как братьев наших меньших, Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи, Не звенит лебязьей шеей рожь.

Оттого пред сонмом уходящих

Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет

Этих нив, злзтзющихся во мгле.

Оттого и дороги мне люди, Что живут со мною на земле.

1924

«Низкий дом с голубыми ставнями...»

Низкий дом с голубыми ставнями, Не забыть мне тебя никогда, —Слишком были такими недавними

Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня ещё мне снится

Наше поле, луга и лес,

Принакрытые сереньким ситцем

Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею

И пропасть не хотел бы в глуши, Но, наверно, навеки имею

Нежность грустную русской души.

Полюбил я седых журавлей

С их курлыканьем в тощие дали, Потому что в просторах полей

Они сытных хлебов не видали.

Только видели березь да цветь, Да раkitник, кривой и безлистый, Да разбойные слышали свисты, От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить, Все равно не могу научиться, И под этим дешёвеньким ситцем

Ты мила мне, родимая выть.

Потому так и днями недавними

Уж не юные веют года...

Низкий дом с голубыми ставнями, Не забыть мне тебя никогда.

1924

«Отговорила роща золотая...»

Отговорила роща золотая

Березовым, веселым языком, И журавли, печально пролетая, Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.

О всех ушедших грезит конопляник

С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой, А журавлей относит ветер в даль, Я полон дум о юности веселой, Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно, Не жаль души сиреневую цветь.

В саду горит костер рябины красной, Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти, От желтизны не пропадет трава.

Как дерево роняет тихо листья, Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая, Сгребет их все в один ненужный ком...

Скажите так... что роща золотая

Отговорила милым языком.

1924

«Несказанное, синее, нежное...»

Несказанное, синее, нежное...

Тих мой край после бурь, после гроз, И душа моя – поле безбрежное —Дышит запахом меда и роз.

Я утих. Годы сделали дело, Но того, что прошло, не кляню.

Словно тройка коней оголтелая

Прокатилась во всю страну.

Напылили кругом. Накопытили.

И пропали под дьявольский свист.

А теперь вот в лесной обители

Даже слышно, как падает лист.

Колокольчик ли? Дальнее эхо ли?

Всё спокойно впивает грудь.

Стой, душа, мы с тобой проехали

Через бурный положенный путь.

Разберемся во всем, что видели, Что случилось, что стало в стране, И простим, где нас горько обидели

По чужой и по нашей вине.

Принимаю, что было и не было, Только жаль на тридцатом году —Слишком мало я в юности требовал, Забываясь в кабацком чаду.

Но ведь дуб молодой, не разжелудясь, Так же гнется, как в поле трава...

Эх ты, молодость, буйная молодость, Золотая сорвиголова!

1925

«Неуютная жидкая лунность...»

Неуютная жидкая лунность

И тоска бесконечных равнин — Вот что видел я в резвую юность, Что, любя, проклинал не один.

По дорогам усохшие вербы

И тележная песня колес...

Ни за что не хотел я теперь бы, Чтоб мне слушать ее привелось.

Равнодушен я стал к лачугам, И очажный огонь мне не мил, Даже яблонь весеннюю вьюгу

Я за бедность полей разлюбил.

Мне теперь по душе иное...

И в чахоточном свете луны

Через каменное и стальное

Вижу мощь я родной стороны.

Полевая Россия! Довольно

Волочиться сохой по полям!

Нищету твою видеть больно

И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...

Может, в новую жизнь не гожусь, Но и все же хочу я стальнойю

Видеть бедную, нищую Русь.

И, внимая моторному лаю

В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз, Ни за что я теперь не желаю

Слушать песню тележных колес.

1925

«Я иду долиной. На затылке кепи...»

Я иду долиной. На затылке кепи, В лайковой перчатке смуглая рука.

Далеко сияют розовые степи, Широко синееет тихая река.

Я – беспечный парень. Ничего не надо.

Только б слушать песни – сердцем подпевать, Только бы струилась легкая прохлада, Только б не сгибалась молодая стать.

Выйду за дорогу, выйду под откосы, —Сколько там нарядных мужиков и баб!

Что-то шепчут грабли, что-то свищут косы.

«Эй, поэт, послушай, слаб ты иль не слаб?

На земле милее. Полно плавать в небо.

Как ты любишь долы, так бы труд любил.

Ты ли деревенским, ты ль крестьянским не был?

Размахнись косою, покажи свой пыл».

Ах, перо не грабли, ах, коса не ручка —Но косою выводят строчки хоть куда.

Под весенним солнцем, под весенней тучкой

Их читают люди всякие года.

К черту я снимаю свой костюм английский.

Что же, дайте косу, я вам покажу —Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий, Памятью деревни я ль не дорожу?

Нипочем мне ямы, нипочем мне кочки.

Хорошо косою в утренний туман

Выводить по долам травяные строчки, Чтобы их читали лошадь и баран.

В этих строчках – песня, в этих строчках —слово.

Потому и рад я в думах ни о ком, Что читать их может каждая корова, Отдавая плату теплым молоком.

18 июля 1925

Собаке Качалова

Дай, Джим, на счастье лапу мне, Такую лапу не видал я сроду.

Давай с тобой полаем при луне

На тихую, бесшумную погоду.

Дай, Джим, на счастье лапу мне.

Пожалуйста, голубчик, не лижись.

Пойми со мной хоть самое простое.

Ведь ты не знаешь, что такое жизнь, Не знаешь ты, что жить на свете стоит.

Хозяин твой и мил и знаменит, И у него гостей бывает в доме много, И каждый, улыбаясь, норовит

Тебя по шерсти бархатной потрогать.

Ты по-собачьи дьявольски красив, С такую милою доверчивой приятцей.

И, никого ни капли не спросив, Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.

Мой милый Джим, среди твоих гостей

Так много всяких и невсяких было.

Но та, что всех безмолвней и грустней, Сюда случайно вдруг не заходила?

Она придет, даю тебе поруку.

И без меня, в ее уставясь взгляд, Ты за меня лизни ей нежно руку

За всё, в чем был и не был виноват.

1925

«Спит ковыль. Равнина дорогая...»

Спит ковыль. Равнина дорогая, И свинцовой свежести полынь.

Никакая родина другая

Не вольет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь, И, пожалуй, всякого спроси —Радуюсь, свирепствуя и мучась, Хорошо живется на Руси.

Свет луны, таинственный и длинный, Плачут вербы, шепчут тополя.

Но никто под окрик журавлиный

Не разлюбит отчие поля.

И теперь, когда вот новым светом

И моей коснулась жизнь судьбы, Все равно остался я поэтом

Золотой бревенчатой избы.

По ночам, прижавшись к изголовью, Вижу я, как сильного врага, Как чужая юность брызжет новью

На мои поляны и луга.

Но и все же, новью той теснимый, Я могу прочувственно пропеть: Дайте мне на родине любимой, Все любя, спокойно умереть!

Июль 1925

«Видно, так заведено навеки...»

Видно, так заведено навеки —К тридцати годам перебежась, Все сильнее, прожженные калеки, С жизнью мы удерживаем связь.

Милая, мне скоро стукнет тридцать, И земля милей мне с каждым днем.

Оттого и сердцу стало сниться, Что горю я розовым огнем.

Коль гореть, так уж гореть сгорая, И недаром в липовую цветь

Вынул я кольцо у попугая —Знак того, что вместе нам сгореть.

То кольцо надела мне цыганка.

Сняв с руки, я дал его тебе, И теперь, когда грустит шарманка, Не могу не думать, не робеть.

В голове болотный бродит омут, И на сердце изморозь и мгла: Может быть, кому-нибудь другому

Ты его со смехом отдала?

Может быть, целуясь до рассвета, Он тебя спрашивает сам, Как смешного глупого поэта

Привела ты к чувственным стихам.

Ну и что ж! Пройдет и эта рана.

Только горько видеть жизни край.

В первый раз такого хулигана

Обманул проклятый попугай.

14 июля 1925

«Гори, звезда моя, не падай...»

Гори, звезда моя, не падай.

Роняй холодные лучи.

Ведь за кладбищенской оградой

Живое сердце не стучит.

Ты светишь августом и рожью

И наполняешь тишь полей

Такой рыдалистою дрожью

Неотлетевших журавлей.

И, голову вздымая выше,

Не то за рощей – за холмом

Я снова чью-то песню слышу

Про отчий край и отчий дом.

И золотеющая осень,

В березах убавляя сок,

За всех, кого любил и бросил, Листовою плачет на песок.

Я знаю, знаю. Скоро, скоро

Ни по моей, ни чьей вине

Под низким траурным забором

Лежать придется так же мне.

Погаснет ласковое пламя,

И сердце превратится в прах.

Друзья поставят серый камень

С веселой надписью в стихах.

Но, погребальной грусти внемля, Я для себя сложил бы так: Любил он родину и землю,

Как любит пьяница кабак.

17 августа 1925

«Жизнь – обман с чарующей тоскою...»

Жизнь – обман с чарующей тоскою, Оттого так и сильна она,

Что своею грубою рукою

Роковые пишет письма.

Я всегда, когда глаза закрою, Говорю: «Лишь сердце потревожь, Жизнь – обман, но и она порою

Украшает радостями ложь.

Обратись лицом к седому небу, По луне гадая о судьбе,

Успокойся, смертный, и не требуй

Правды той, что не нужна тебе».

Хорошо в черемуховой вьюге

Думать так, что эта жизнь – стезя.

Пусть обманут легкие подруги, Пусть изменят легкие друзья.

Пусть меня ласкают нежным словом, Пусть острее бритвы злой язык, —Я живу давно на все готовым, Ко всему безжалостно привык.

Холодят мне душу эти выси, Нет тепла от звездного огня.

Те, кого любил я, отреклись, Кем я жил — забыли про меня.

Но и все ж, теснимый и гонимый, Я, смотря с улыбкой на зарю, На земле, мне близкой и любимой, Эту жизнь за все благодарю.

17 августа 1925

Персидские мотивы

«Улеглась моя бывая рана...»

Улеглась моя бывая рана —Пьяный бред не гложет сердце мне.

Синими цветами Тегерана

Я лечу их нынче в чайхане.

Сам чайханщик с круглыми плечами, Чтобы славилась пред русским чайхана, Угощает меня красным чаем

Вместо крепкой водки и вина.

Угощай, хозяин, да не очень.

Много роз цветет в твоём саду.

Незадаром мне мигнули очи, Приоткинув черную чадру.

Мы в России девушек весенних

На цепи не держим, как собак, Поцелуям учимся без денег, Без кинжальных хитростей и драк.

Ну, а этой за движенья стана, Что лицом похожа на зарю, Подарю я шаль из Хороссана

И ковер шirazский подарю.

Наливай, хозяин, крепче чаю, Я тебе вовеки не солгу.

За себя я нынче отвечаю,

За тебя ответить не могу.

И на дверь ты взглядывай не очень, Все равно калитка есть в саду...

Незадаром мне мигнули очи, Приоткинув черную чадру.

1924

«Я спросил сегодня у менялы...»

Я спросил сегодня у менялы, Что дает за полтумана по рублю, Как сказать мне для прекрасной Лалы

По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы

Легче ветра, тише Ванских струй, Как назвать мне для прекрасной Лалы

Слово ласковое «поцелуй»?

И еще спросил я у менялы, В сердце робость глубже притая, Как сказать мне для прекрасной Лалы, Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко: О любви в словах не говорят, О любви вздыхают лишь украдкой, Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет, Поцелуй не надпись на гробах.

Красной розой поцелуи веют, Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки, С нею знают радость и беду.

«Ты – моя» сказать лишь могут руки, Что срывали черную чадру.

1924

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..»

Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Потому, что я с севера, что ли, Я готов рассказать тебе поле, Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли, Что луна там огромней в сто раз, Как бы ни был красив Шираз, Он не лучше рязанских раздолий.

Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле, Эти волосы взял я у ржи,

Если хочешь, на палец вяжи —Я нисколько не чувствую боли.

Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне

По кудрям ты моим догадайся.

Дорогая, шути, улыбайся,

Не буди только память во мне

Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Там, на севере, девушка тоже, На тебя она страшно похожа, Может, думает обо мне...

Шаганэ ты моя, Шаганэ.

1924

«Ты сказала, что Саади...»

Ты сказала, что Саади

Целовал лишь только в грудь.

Подожди ты, бога ради,

Обучусь когда-нибудь!

Ты пропела: «За Ефратом

Розы лучше смертных дев».

Если был бы я богатым,

То другой сложил напев.

Я б порезал розы эти,

Ведь одна отрада мне —

Чтобы не было на свете

Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,

У меня заветов нет.

Коль родился я поэтом,

То целуюсь, как поэт.

19 декабря 1924

«Никогда я не был на Босфоре...»

Никогда я не был на Босфоре, Ты меня не спрашивай о нем.

Я в твоих глазах увидел море, Пыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном, Не возил я шелк туда и хну.

Наклонись своим красивым станом, На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я, Для тебя навеки дела нет, Что в далеком имени — Россия — Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка, При луне собачий слышу лай.

Разве ты не хочешь, персиянка, Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки — Ты меня, незримая, звала.

И меня твои лебяжьи руки

Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя

И хоть прошлой жизни не кляню, Расскажи мне что-нибудь такое

Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки, Напои дыханьем свежих чар, Чтобы я о дальней северянке

Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре — Я тебе придумаю о нем.

Все равно – глаза твои, как море, Голубым колышутся огнем.

21 декабря 1924

«Свет вечерний шафранного края...»

Свет вечерний шафранного края, Тихо розы бегут по полям.

Спой мне песню, моя дорогая, Ту, которую пел Хаям.

Тихо розы бегут по полям.

Лунным светом Шираз осиянен, Кружит звезд мотыльковый рой.

Мне не нравится, что персияне

Держат женщин и дев под чадрой.

Лунным светом Шираз осиянен.

Иль они от тепла застыли, Закрывая телесную медь?

Или, чтобы их больше любили, Не желают лицом загореть, Закрывая телесную медь?

Дорогая, с чадрой не дружись, Заучи эту заповедь вкратце, Ведь и так коротка наша жизнь, Мало счастьем дано любоваться.

Заучи эту заповедь вкратце.

Даже все некрасивое в роке

Осеньет своя благодать.

Потому и прекрасные щеки

Перед миром грешно закрывать, Коль дала их природа-мать.

Тихо розы бегут по полям.

Сердцу снится страна другая.

Я спую тебе сам, дорогая, То, что сроду не пел Хаям...

Тихо розы бегут по полям.

1924

«Воздух прозрачный и синий...»

Воздух прозрачный и синий, Выйду в цветочные чаши.

Путник, в лазурь уходящий, Ты не дойдешь до пустыни.

Воздух прозрачный и синий.

Лугом пройдешь, как садом, Садом – в цветенье диком, Ты не удержишься взглядом, Чтоб не припасть к гвоздикам.

Лугом пройдешь, как садом.

Шепот ли, шорох иль шелест — Нежность, как песни Саади.

Вмиг отразится во взгляде

Месяца желтая прелесть,

Нежность, как песни Саади.

Голос раздастся пери,

Тихий, как флейта Гассана.

В крепких объятиях стана

Нет ни тревог, ни потери, Только лишь флейта Гассана.

Вот он, удел желанный

Всех, кто в пути устали,

Ветер благоуханный.

Пью я сухими устами

Ветер благоуханный.

«Золото холодное луны...»

Золото холодное луны,

Запах олеандра и левкоя.

Хорошо бродить среди покоя

Голубой и ласковой страны.

Далеко-далече там Багдад, Где жила и пела Шахразада.

Но теперь ей ничего не надо.

Отзвенел давно звеневший сад.

Призраки далекие земли

Поросли кладбищенской травой.

Ты же, путник, мертвым не внемли, Не склоняйся к плитам головою.

Оглянись, как хорошо кругом: Губы к розам так и тянет, тянет.

Помирись лишь в сердце со врагом —И тебя блаженством ошафранит.

Жить – так жить, любить —так уж влюбляться.

В лунном золоте целуйся и гуляй, Если ж хочешь мертвым поклоняться, То живых тем сном не отравляй.

Это пела даже Шахразада, —Так вторично скажет листьям медь.

Тех, которым ничего не надо, Только можно в мире пожалеть.

1925

«В Хороссане есть такие двери...»

В Хороссане есть такие двери, Где обсыпан розами порог.

Там живет задумчивая пери.

В Хороссане есть такие двери, Но открыть те двери я не мог.

У меня в руках довольно силы, В волосах есть золото и медь.

Голос пери нежный и красивый.

У меня в руках довольно силы, Но дверей не смог я отпереть.

Ни к чему в любви моей отвага.

И зачем? Кому мне песни петь? —Если стала неревнивой Шага, Коль дверей не смог я отпереть, Ни к чему в любви моей отвага.

Мне пора обратно ехать в Русь.

Персия! Тебя ли покидаю?

Навсегда ль с тобою расстанусь

Из любви к родимому мне краю?

Мне пора обратно ехать в Русь.

До свиданья, пери, до свиданья.

Пусть не смог я двери отпереть, Ты дала красивое страданье, Про тебя на родине мне петь.

До свиданья, пери, до свиданья.

Март 1925

«Голубая родина Фирдуси...»

Голубая родина Фирдуси,

Ты не можешь, памятью простыв, Позабыть о ласковом урусе

И глазах, задумчиво простых, Голубая родина Фирдуси.

Хороша ты, Персия, я знаю, Розы, как светильники, горят

И опять мне о далеком крае

Свежестью упругой говорят.

Хороша ты, Персия, я знаю.

Я сегодня пью в последний раз

Ароматы, что хмельны, как брага.

И твой голос, дорогая Шага, В этот трудный расставанья час

Слушаю в последний раз.

Но тебя я разве позабуду?

И в моей скитальческой судьбе

Близкому и дальнему мне люду

Буду говорить я о тебе —

И тебя навеки не забуду.

Я твоих несчастий не боюсь, Но на всякий случай твой угрюмый

Оставляю песенку про Русь: Запевая, обо мне подумай, И тебе я в песне отзовусь...

Март 1925

«Быть поэтом – это значит то же...»

Быть поэтом – это значит то же, Если правды жизни не нарушить, Рубцевать себя по нежной коже, Кровью чувств ласкать чужие души.

Быть поэтом – значит петь раздолье, Чтобы было для тебя известней, Соловей поет – ему не больно, У него одна и та же песня.

Канарейка с голоса чужого —Жалкая, смешная побрякушка.

Миру нужно песенное слово

Петь по-свойски, даже как лягушка.

Магомет перехитрил в Коране, Запрещая крепкие напитки, Потому поэт не перестанет

Пить вино, когда идет на пытки.

И когда поэт идет к любимой, А любимая с другим лежит на ложе, Влагою живительной хранимый, Он ей в сердце не запустит ножик.

Но, горя ревнивою отвагой, Будет вслух насвистывать до дома: «Ну и что ж, помру себе бродягой, На земле и это нам знакомо».

Август 1925

«Отчего луна так светит тускло...»

«Отчего луна так светит тускло

На сады и стены Хороссана?

Словно я хожу равниной русской

Под шуршащим пологом тумана», —Так спросил я, дорогая Лала, У молчащих ночью кипарисов, Но их рать ни слова не сказала, К небу гордо головы зависив.

«Отчего луна так светит грустно?» —У цветов спросил я в тихой чаще, И цветы сказали: «Ты почувствуй

По печали розы шелестящей».

Лепестками роза расплескалась, Лепестками тайно мне сказала: «Шаганэ твоя с другим ласкалась, Шаганэ другого целовала».

Говорила: «Русский не заметит...

Сердцу – песнь, а песне – жизнь и тело...»

Оттого луна так тускло светит, Оттого печально побледнела.

Слишком много виделось измены, Слез и мук, кто ждал их, кто не хочет.

.....

Но и всё ж вовек благословенны

На земле сиреневые ночи.

Август 1925

«Голубая да веселая страна...»

Голубая да веселая страна.

Честь моя за песню продана.

Ветер с моря, тише дуй и вей —Слышишь, розу кличет соловей?

Слышишь, роза клонится и гнется —Эта песня в сердце отзовется.

Ветер с моря, тише дуй и вей —Слышишь, розу кличет соловей?

Ты – ребенок, в этом спора нет, Да и я ведь разве не поэт?

Ветер с моря, тише дуй и вей —Слышишь, розу кличет соловей?

Дорогая Гелия, прости.

Много роз бывает на пути, Много роз склоняется и гнется, Но одна лишь сердцем улыбнется.

Улыбнемся вместе. Ты и я.

За такие милые края.

Ветер с моря, тише дуй и вей —Слышишь, розу кличет соловей?

Голубая да веселая страна.

Пусть вся жизнь моя за песню продана, Но за Гелию в тенях ветвей

Обнимает розу соловей.

8 апреля 1925

«Руки милой – пара лебедей...»

Руки милой – пара лебедей —В золоте волос моих ныряют.

Все на этом свете из людей

Песнь любви поют и повторяют.

Пел и я когда-то далеко

И теперь пою про то же снова, Потому и дышит глубоко

Нежностью пропитанное слово.

Если душу вылюбить до дна, Сердце станет глыбой золотою, Только тегеранская луна

Не согреет песни теплотою.

Я не знаю, как мне жизнь прожить: Догореть ли в ласках милой Шаги

Иль под старость трепетно тужить

О прошедшей песенной отваге?

У всего своя походка есть: Что приятно уху, что – для глаза.

Если перс слагает плохо песнь, Значит, он вовек не из Ширази.

Про меня же и за эти песни

Говорите так среди людей: Он бы пел нежнее и чудесней, Да сгубила пара лебедей.

Август 1925

«Над окошком месяц. Под окошком ветер...»

Над окошком месяц. Под окошком ветер.

Облетевший тополь серебрист и светел.

Дальний плач тальянки, голос одинокий —И такой родимый, и такой далекий.

Плачет и смеется песня лиховая.

Где ты, моя липа? Липа вековая?

Я и сам когда-то в праздник спозаранку

Выходил к любимой, развернув тальянку.

А теперь я милой ничего не значу.

Под чужую песню и смеюсь и плачу.

Август 1925

«Глупое сердце, не бойся!..»

Глупое сердце, не бойся!

Все мы обмануты счастьем, Нищий лишь просит участия...

Глупое сердце, не бойся.

Месяца желтые чары

Льют по каштанам в пролесь.

Лале склонясь на шальвары, Я под чадрую укроюсь.

Глупое сердце, не бойся.

Все мы порою, как дети,

Часто смеемся и плачем:

Выпали нам на свете

Радости и неудачи.

Глупое сердце, не бойся.

Многие видел я страны,

Счастья искал повсюду,

Только удел желанный

Больше искать не буду.

Глупое сердце, не бойся.

Жизнь не совсем обманула.

Новой напьемся силой.

Сердце, ты хоть бы заснуло

Здесь, на коленях у милой.

Жизнь не совсем обманула.

Может, и нас отметит

Рок, что течет лавиной,

И на любовь ответит

Песнею соловьиной.

Глупое сердце, не бойся.

Август 1925

«Эх вы, сани! А кони, кони!..»

Эх вы, сани! А кони, кони!

Видно, черт их на землю принес.

В залихватском степном разгоне

Колокольчик хохочет до слез.

Ни луны, ни собачьего лая

В далеко, в стороне, в пустыре.

Поддержись, моя жизнь удалая, Я еще не навек постарел.

Пой, ямщик, вперекор этой ночи, —Хочешь, сам я тебе подпою

Про лукавые девичьи очи,

Про веселую юность мою.

Эх, бывало, заломил шапку, Да заложил в оглобли коня, Да приляжешь на сена охапку, —Вспоминай лишь, как звали меня.

И откуда бралась осанка,

А в полночную тишину

Разговорчивая тальянка

Уговаривала не одну.

Всё прошло. Поредел мой волос.

Конь издох, опустел наш двор.

Потеряла тальянка голос,

Разучившись вести разговор.

Но и всё же душа не остыла, Так приятны мне снег и мороз, Потому что над всем, что было, Колокольчик хохочет до слез.

19 сентября 1925

«Мелколесье. Степь и дали...»

Мелколесье. Степь и дали.

Свет луны во все концы.

Вот опять вдруг зарыдали

Разливные бубенцы.

Непроглядная дорога,

Да любимая навек,

По которой ездил много

Всякий русский человек.

Эх вы, сани! Что за сани!

Звоны мерзлые осин.

У меня отец – крестьянин, Ну, а я крестьянский сын.

Наплевать мне на известность

И на то, что я поэт.

Эту чахленькую местность

Не видал я много лет.

Тот, кто видел хоть однажды

Этот край и эту гладь,

Тот почти березке каждой

Ножку рад поцеловать.

Как же мне не прослезиться, Если с венкой в стынь и звень

Будет рядом веселиться

Юность русских деревень.

Эх, гармошка, смерть-отрава, Знать, с того под этот вой

Не одна лихая слава

Пропадала трын-травой.

21/22 октября 1925

«Клен ты мой опавший, клен заледенелый...»

Клен ты мой опавший, клен заледенелый, Что стоишь нагнувшись под метелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?

Словно за деревню погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу, Утонул в сугробе, приморозил ногу.

Ах, и сам я нынче что-то стал нестойкий, Не дойду до дома с дружеской попойки.

Там вон встретил вербу, там сосну приметил, Распевал им песни под метель о лете.

Сам себе казался я таким же кленом, Только не опавшим, а вовсю зеленым.

И, утратив скромность, одуревши в доску, Как жену чужую, обнимал березку.

28 ноября 1925

«Какая ночь! Я не могу...»

Какая ночь! Я не могу.

Не спится мне. Такая лунность.

Еще как будто берегу

В душе утраченную юность.

Подруга охладевших лет,

Не называй игру любовью,

Пусть лучше этот лунный свет

Ко мне струится к изголовью.

Пусть искаженные черты

Он обрисовывает смело, —

Ведь разлюбить не сможешь ты, Как полюбить ты не сумела.

Любить лишь можно только раз.

Вот оттого ты мне чужая,

Что липы тщетно манят нас, В сугробы ноги погружая.

Ведь знаю я и знаешь ты,

Что в этот отсвет лунный, синий

На этих липах не цветы —

На этих липах снег да иней.

Что отлюбили мы давно,

Ты не меня, а я — другую, И нам обоим все равно

Играть в любовь недорогую.

Но все ж ласкай и обнимай

В лукавой страсти поцелуя, Пусть сердцу вечно снится май

И та, что навсегда люблю я.

30 ноября 1925

«Ты меня не любишь, не жалеешь...»

Ты меня не любишь, не жалеешь, Разве я немного не красив?

Не смотря в лицо, от страсти млеешь, Мне на плечи руки опустил.

Молодая, с чувственным оскалом, Я с тобой не нежен и не груб.

Расскажи мне, скольких ты ласкала?

Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?

Знаю я — они прошли, как тени, Не коснувшись твоего огня, Многим ты садилась на колени, А теперь сидишь вот у меня.

Пусть твои полузакрыты очи

И ты думаешь о ком-нибудь другом, Я ведь сам люблю тебя не очень, Утопая в дальнем дорогом.

Этот пыл не называй судьбою, Легкодумна вспыльчивая связь, —Как случайно встретился с тобою, Улыбнись, спокойно разойдись.

Да и ты пойдешь своей дорогой

Распылять безрадостные дни, Только нецелованных не трогай, Только негоревших не мани.

И когда с другим по переулку

Ты пройдешь, болтая про любовь, Может быть, я выйду на прогулку, И с тобою встретимся мы вновь.

Отвернув к другому ближе плечи

И немного наклонившись вниз, Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер!»

Я отвечу: «Добрый вечер, miss».

И ничто души не потревожит, И ничто ее не бросит в дрожь, —Кто любил, уж тот любить не может, Кто сгорел, того не подожжешь.

4 декабря 1925

«Может, поздно, может, слишком рано...»

Может, поздно, может, слишком рано, И о чем не думал много лет, Походив я стал на Дон Жуана, Как заправский ветренный поэт.

Что случилось? Что со мною случилось?

Каждый день я у других колен.

Каждый день к себе теряю жалость, Не смиряясь с горечью измен.

Я всегда хотел, чтоб сердце меньше

Билось в чувствах нежных и простых, Что ж ищу в очах я этих женщин — Легкодумных, лживых и пустых?

Удержи меня, мое презрение, Я всегда отмечен был тобой.

На душе холодное кипенье

И сирени шелест голубой.

На душе — лимонный свет заката, И всё то же слышно сквозь туман, — За свободу в чувствах есть расплата, Принимай же вызов, Дон Жуан!

И, спокойно вызов принимая, Вижу я, что мне одно и то ж — Чтить метель за синий цветень мая, Звать любовью чувственную дрожь.

Так случилось, так со мною стало, И с того у многих я колен, Чтобы вечно счастье улыбалось, Не смиряясь с горечью измен.

13 декабря 1925

«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...»

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель, Синь очей утративший во мгле, Эту жизнь прожил я словно кстати, Заодно с другими на земле.

И с тобой целуюсь по привычке, Потому что многих целовал, И, как будто зажигая спички, Говорю любовные слова.

«Дорогая», «милая», «навек», А в душе всегда одно и то ж, Если тронуть страсти в человеке, То, конечно, правды не найдешь.

Оттого душе моей не жестко

Не желать, не требовать огня, Ты, моя ходячая березка,

Создана для многих и меня.

Но, всегда ища себе родную

И томясь в неласковом плену, Я тебя нисколько не ревную, Я тебя нисколько не кляню.

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель, Синь очей утративший во мгле, И тебя любил я только кстати, Заодно с другими на земле.

«До свиданья, друг мой, до свиданья...»

До свиданья, друг мой, до свиданья.

Милый мой, ты у меня в груди.

Предназначенное расставанье

Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки и слова, Не грусти и не печаль бровей, — В этой жизни умирать не ново, Но и жить, конечно, не новей.

1925

Возвращение на родину

Я посетил родимые места,

Ту сельщину,

Где жил мальчишкой,

Где каланчой с березовою вышкой

Взметнулась колокольня без креста.

Как много изменилось там, В их бедном, неприглядном быте.

Какое множество открытий

За мною следовало по пятам.

Отцовский дом

Не мог я распознать:

Приметный клен уж под окном не машет, И на крылечке не сидит уж мать, Кормя цыплят крупитчатую кашей.

Стара, должно быть, стала...

Да, стара.

Я с грустью озираюсь на окрестность.

Какая незнакомая мне местность!

Одна, как прежняя, белеется гора, Да у горы

Высокий серый камень.

Здесь кладбище!

Подгнившие кресты,

Как будто в рукопашной мертвецы

Застыли с распростертыми руками.

По тропке, опершись на подожок, Идет старик, сметая пыль с бурьяна.

«Прохожий!

Укажи, дружок,

Где тут живет Есенина Татьяна?»

«Татьяна... Гм...

Да вон за той избой.

А ты ей что?

Сродни?

Аль, может, сын пропащий?»

«Да, сын.

Но что, старик, с тобой?

Скажи мне,

Отчего ты так глядишь скорбяще?»

«Добро, мой внук,

Добро, что не узнал ты деда!..»

«Ах, дедушка, ужели это ты?»

И полилась печальная беседа

Слезами теплыми на пыльные цветы.

... ..

«Тебе, пожалуй, скоро будет тридцать...

А мне уж девяносто...

Скоро в гроб.

Давно пора бы было воротиться».

Он говорит, а сам все морщит лоб.

«Да!.. Время!..

Ты не коммунист?»

«Нет!..»

«А сестры стали комсомолки.

Такая гадость! Просто удавись!

Вчера иконы выбросили с полки, На церкви комиссар снял крест.

Теперь и Богу негде помолиться.

Уж я хожу украдкой нынче в лес, Молюсь осинам...

Может, пригодится...

Пойдем домой —

Ты все увидишь сам».

И мы идем, топча межой кукольні.

Я улыбаюсь пашням и лесам, А дед с тоской глядит на колокольню.

... ..

... ..

«Здорово, мать! Здорово!»

И я опять тяну к глазам платок.

Тут разрыдаться может и корова, Глядя на этот бедный уголок.

На стенке календарный Ленин.

Здесь жизнь сестер,

Сестер, а не моя, —

Но все ж готов упасть я на колени, Увидев вас, любимые края.

Пришли соседи...

Женщина с ребенком.

Уже никто меня не узнает.

По-байроновски наша собачонка

Меня встречала с лаем у ворот.

Ах, милый край!

Не тот ты стал,

Не тот.

Да уж и я, конечно, стал не прежний.

Чем мать и дед грустней и безнадежней, Тем веселей сестры смеется рот.

Конечно, мне и Ленин не икона, Я знаю мир...

Люблю мою семью...

Но отчего-то все-таки с поклоном

Сажусь на деревянную скамью.

«Ну, говори, сестра!»

И вот сестра разводит,

Раскрыв, как Библию, пузатый «Капитал», О Марксе,

Энгельсе...

Ни при какой погоде

Я этих книг, конечно, не читал.

И мне смешно,

Как шустрая девчонка

Меня во всем за шиворот берет...

... ..

... ..

По-байроновски наша собачонка

Меня встречала с лаем у ворот.

1 июня 1924

«Маленькие поэмы»

Русь

Потонула деревня в ухабинах, Заслонили избенки леса.

Только видно, на кочках и впадинах, Как синеют кругом небеса.

Воют в сумерки долгие, зимние, Волки грозные с тощих полей.

По дворам в погорающем инее

Над застрехами храп лошадей.

Как совиные глазки, за ветками

Смотрят в шали пурги огоньки.

И стоят за дубровными сетками, Словно нечисть лесная, пеньки.

Запугала нас сила нечистая, Что ни прорубь – везде колдуны.

В злую заморозь в сумерки мглистые

На березках висят галуны.

Но люблю тебя, родина кроткая!

А за что – разгадать не могу.

Весела твоя радость короткая

С громкой песней весной на лугу.

Я люблю над покосной стоянкою

Слушать вечером гуд комаров.

А как гаркнут ребята тальянкою, Выйдут девки плясать у костров.

Загорятся, как черна смородина, Угли-очи в подковах бровей, Ой ты, Русь моя, милая родина, Сладкий отдых в шелку купырей.

Понакаркали черные вороны: Грозным бедам широкий простор.
Крутит вихорь леса во все стороны, Машет саваном пена с озер.
Грянул гром, чашка неба расколота, Тучи рваные кутают лес.
На подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небес.
Повестили под окнами сотские
Ополченцам идти на войну.
Загыгыкали бабы слободские, Плач прорезал кругом тишину.
Собиралися мирные пахари
Без печали, без жалоб и слез, Клали в сумочки пышки на сахаре
И пихали на кряжистый воз.
По селу до высокой околицы
Провожал их огулом народ...
Вот где, Русь, твои добрые молодцы, Вся опора в годину невзгод.

Затомилась деревня невесточкой —Как-то милые в дальнем краю?

Отчего не уведомят весточкой, —Не погибли ли в жарком бою?

В роще чудились запахи ладана, В ветре бластились стуки костей.

И пришли к ним нежданно-негаданно

С дальней волости груды вестей.

Сберегли по ним пахари памятку, С потом вывели всем по письму.

Подхватили тут родные грамотку, За ветловую сели тесьму.

Собралися над четницей Лушею

Допытаться любимых речей.

И на корточках плакали, слушая, На успехи родных силачей.

Ах, поля мои, борозды милые, Хороши вы в печали своей!

Я люблю эти хижины хилые

С поджиданьем седых матерей.

Припаду к лапоточкам берестяным, Мир вам, грабли, коса и соха!

Я гадаю по взорам невестиным

На войне о судьбе жениха.

Помирится я с мыслями слабыми, Хоть бы стать мне кустом у воды.

Я хочу верить в лучшее с бабами, Тепля свечку вечерней звезды.

Разгадал я их думы несметные, Не спугнет их ни гром и ни тьма.

За сохою под песни заветные

Не причудится смерть и тюрьма.

Они верили в эти каракули, Выводимые с тяжким трудом, И от счастья и радости плакали, Как в засуху над первым дождем.

А за думой разлуки с родимыми

В мягких травах, под бусами рос, Им мерещился в далях за дымами

Над лугами веселый покос.

Ой ты, Русь, моя родина кроткая, Лишь к тебе я любовь берегу.

Весела твоя радость короткая

С громкой песней весной на лугу.

1914

Июния

Пророку Иеремии

Не утрашуся гибели,

Ни копий, ни стрел дождей —Так говорит по Библии

Пророк Есенин Сергей.

Время мое приспело,

Не страшен мне лязг кнута.

Тело, Христово тело

Выплываю изо рта.

Не хочу воспринять спасения

Через муки его и крест:

Я иное постиг учение

Прободающих вечность звезд.

Я иное узрел пришествие —Где не пляшет над правдой смерть.

Как овцу от поганой шерсти, я

Остригу голубую твердь.

Подыму свои руки к месяцу, Раскушу его, как орех.

Не хочу я небес без лестницы, Не хочу, чтобы падал снег.

Не хочу, чтоб умело хмуриться

На озерах зари лицо.

Я сегодня снесся, как курица, Золотым словесным яйцом.

Я сегодня рукой упругою

Готов повернуть весь мир...

Грозовой расплескались вьюгою

От плечей моих восемь крыл.

Лай колоколов над Русью грозный — Это плачут стены Кремля.

Ныне на пики звездные

Вздыбливаю тебя, земля!

Протянусь до незримого города, Млечный прокушу покров.

Даже Богу я выщиплю бороду

Оскалом моих зубов.

Ухвачу его за гриву белую

И скажу ему голосом вьюг: Я иным тебя, Господи, сделаю, Чтобы зрел мой словесный луг!

Проклинаю я дыхание Китежа

И все лощины его дорог.

Я хочу, чтоб на бездонном вытяже

Мы воздвигли себе чертог.

Языком вылижу на иконах я

Лики мучеников и святых.

Обещаю вам град Инонию,

Где живет божество живых!

Плачь и рыдай, Московия!

Новый пришел Индикоплов.

Все молитвы в твоём часослове я

Проклюю моим клювом слов.

Уведу твой народ от упования, Дам ему веру и мощь,

Чтобы плугом он в зори ранние

Распахивал с солнцем ночь.

Чтобы поле его словесное

Выращало ульями злак,

Чтобы зерна под крышей небесною

Озлащали, как пчелы, мрак.

Проклинаю тебя я, Радонеж, Твои пятки и все следы!

Ты огня золотого залежи

Разрыхлял киркою воды.

Стая туч твоих, по-волчьи лающих, Словно стая злющих волков, Всех зовущих и всех дерзающих

Прободала копьем клыков.

Твое солнце когтистыми лапами

Прокогтялось в душу, как нож.

На реках вавилонских мы плакали, И кровавый мочил нас дождь.

Ныне ж бури воловьим голосом

Я кричу, сняв с Христа штаны: Мойте руки свои и волосы

Из лоханки второй луны.

Говорю вам – вы все погибнете, Всех задушит вас веры мох.

По-иному над нашей выгибью

Вспух незримой коровой бог.

И напрасно в пещеры селятся

Те, кому ненавистен рев.

Все равно – он иным отелится

Солнцем в наш русский кров.

Все равно – он спалит телением, Что ковало реке берега.

Развоздят мировое кипение

Золотые его рога.

Новый сойдет Олимпий

Начертать его новый лик.

Говорю вам – весь воздух выпью

И кометой вытяну язык.

До Египта раскорячу ноги, Раскую с вас подковы мук...

В оба полюса снежнорогие

Вопьюся клещами рук.

Коленом придавлю экватор

И под бури и вихря плач

Пополам нашу землю-мать

Разломлю, как золотой калач.

И в провал, отененный бездною, Чтобы мир весь слышал тот треск, Я главу свою власозвездную

Просуну, как солнечный блеск.

И четыре солнца из облачья, Как четыре бочки с горы,

Золотые рассыпав обручи,

Скатясь, всколыхнут миры.

И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли, —Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли!
Не отягивай чугунной радугой
Нив и гранитом – рек.
Только водью свободной Ладоги
Просверлит бытие человек!
Не вбивай руками синими
В пустошь потолок небес:
Не построить шляпками гвоздинами
Сияние далеких звезд.
Не залить огневого брожения
Лавой стальной руды.
Нового вознесения
Я оставлю на земле следы.
Пятками с облаков свесюсь, Прокопытю тучи, как лось; Колесами солнце и месяц
Надену на земную ось.
Говорю тебе – не пой молебствия
Проволочным твоим лучам.
Не осветят они пришествия, Бегущего овцой по горам!
Сыщется в тебе стрелок еще
Пустить в его грудь стрелу.
Словно полымя, с белой шерсти его
Брызнет теплая кровь во мглу.
Звездами золотые копытца
Скатятся, взбороздив ночь.
И опять замелькает спицами
Над чулком ее черным дождь.
Возгремлю я тогда колесами
Солнца и луны, как гром;
Как пожар, размечу волосья
И лицо закрою крылом.
За уши встряхну я горы,
Копьями вытяну ковыль.
Все тыны твои, все заборы
Горстью смету, как пыль.

И вспашу я черные щęki

Нив твоих новой сохой;

Золотой пролетит сорокой

Урожай над твоей страной.

Новый он сбросит жителям

Крыл колосистых звон.

И, как жерди златые, вытянет

Солнце лучи на дол.

Новые вырастут сосны

На ладонях твоих полей.

И, как белки, желтые весны

Будут прыгать по сучьям дней.

Синие забрезжут реки,

Просверлив все преграды глыб.

И заря, опуская веки,

Будет звездных ловить в них рыб.

Говорю тебе – будет время, Отплещут уста громов;

Прободят голубое темя

Колосья твоих хлебов.

И над миром с незримой лестницы, Оглашая поля и луг,

Проклевавшись из сердца месяца, Кукарекнув, взлетит петух.

По тучам иду, как по ниве, я, Свесясь головою вниз.

Слышу плеск голубого ливня

И светил тонкоклювых свист.

В синих отражаюсь затонах

Далеких моих озер.

Вижу тебя, Инония,

С золотыми шапками гор.

Вижу нивы твои и хаты,

На крылечке старушку мать; Пальцами луч заката

Старается она поймать.

Прищепит его у окошка,

Схватит на своем горбе, —А солнышко, словно кошка, Тянет клубок к себе.

И тихо под шепот речки,

Прибрежному эху в подол,

Каплями незримой свечки

Капает песня с гор:

«Слава в вышних Богу

И на земле мир!

Месяц синим рогом

Тучи прободил.

Кто-то вывел гуся

Из яйца звезды —

Светлого Исуса

Проклевать следы.

Кто-то с новой верой,

Без креста и мук,

Натянул на небе

Радугу, как лук.

Радуйся, Сионе,

Проливай свой свет!

Новый в небосклоне

Вызрел Назарет.

Новый на кобыле

Едет к миру Спас.

Наша вера — в силе.

Наша правда — в нас!»

Январь 1918

Иорданская голубица

Земля моя золотая!

Осенний светлый храм!

Гусей крикливых стая

Несется к облакам.

То душ преображенных

Несчислимая рать,

С озер поднявшись сонных, Летит в небесный сад.

А впереди их лебедь.

В глазах, как роща, грусть.

Не ты ль так плачешь в небе, Отчалившая Русь?

Лети, лети, не бойся,

Всему есть час и брег.

Ветра стекают в песню,

А песня канет в век.

Небо – как колокол,
Месяц – язык,
Мать моя – родина,
Я – большевик.
Ради вселенского
Братства людей
Радуюсь песней я
Смерти твоей.
Крепкий и сильный,
На гибель твою
В колокол синий
Я месяцем бью.
Братья-миряне,
Вам моя песнь.
Слышу в тумане я
Светлую весть.

Вот она, вот голубица,
Севшая ветру на длань.

Снова зарею клубится

Мой луговой Иордань.

Славлю тебя, голубая,

Звездами вбитая высь.

Снова до отчего рая

Руки мои поднялись.

Вижу вас, злачные нивы,

С стадом буланных коней.

С дудкой пастушеской в ивах

Бродит апостол Андрей.

И, полная боли и гнева,

Там, на окраине села,

Мати пречистая дева

Розгой стегает осла.

Братья мои, люди, люди!

Все мы, все когда-нибудь

В тех благих селеньях будем, Где протоптан Млечный Путь.

Не жалейте же ушедших,

Уходящих каждый час, —

Там на ландышах расцветших

Лучше, чем в полях у вас.

Страж любви – судьба-мздоимец

Счастье пестует не век.

Кто сегодня был любимец —Завтра нищий человек.

О новый, новый, новый,

Прорезавший тучи день!

Отроком солнцеголовым

Сядь ты ко мне под плетень.

Дай мне твои волосья

Гребнем луны расчесать.

Этим обычаем гостя

Мы научились встречать.

Древняя тень Маврикии

Родственна нашим холмам,

Дождиком в нивы златые

Нас посетил Авраам.

Сядь ты ко мне на крылечко, Тихо склонись ко плечу.

Синюю звездочку свечкой

Я пред тобой засвечу.

Буду тебе я молиться,

Славить твою Иордань...

Вот она, вот голубица,

Севшая ветру на длань.

20–23 июня 1918

Константиново

Сорокоуст

А. Мариенгофу

Трубит, трубит погибельный рог!

Как же быть, как же быть теперь нам

На измызганных ляжках дорог?

Вы, любители песенных блох, Не хотите ль... ..

Полно кротостью мордищ праздниться, Любо ль, не любо ль – знай бери.

Хорошо, когда сумерки дразнятся

И всыпают нам в толстые задницы

Окровавленный веник зари.

Скоро заморозь известью выбелит

Тот поселок и эти луга.

Никуда вам не скрыться от гибели, Никуда не уйти от врага.

Вот он, вот он с железным брюхом, Тянет к глоткам равнин пятерню, Водит старая мельница ухом, Навострив мукомольный нюх, И дворовый молчальник бык, Что весь мозг свой на телок пролил, Вытирая о прясло язык,

Почуял беду над полем.

Ах, не с того ли за селом

Так плачет жалостно гармоника: Таля-ля-ля, тили-ли-бом

Висит над белым подоконником.

И желтый ветер осеницы

Не потому ль, синь рябью тронув, Как будто бы с коней скребницей, Очесывает листья с кленов.

Идет, идет он, страшный вестник, Пятой громоздкой чащи ломит.

И все сильнее тоскуют песни

Под лягушиный писк в соломе.

О, электрический восход,

Ремней и труб глухая хватка, Се изб древенчатый живот

Трясет стальная лихорадка!

Видели ли вы,

Как бежит по степям,

В туманах озерных кроясь, Железной ноздрей храпя,

На лапах чугунных поезд?

А за ним

По большой траве,

Как на празднике отчаянных гонок, Тонкие ноги закидывая к голове, Скачет красногривый жеребенок?

Милый, милый, смешной дуралей, Ну куда он, куда он гонится?

Неужель он не знает, что живых коней

Победила стальная конница?

Неужель он не знает, что в полях

бессиянных

Той поры не вернет его бег, Когда пару красивых степных россиянок

Отдавал за коня печенег?

По-иному судьба на торгах перекрасила

Наш разбуженный скрежетом плес, И за тысячи пудов конской кожи и мяса

Покупают теперь паровоз.

Черт бы взял тебя, скверный гость!

Наша песня с тобой не сживется.

Жаль, что в детстве тебя не пришлось

Утопить, как ведро в колодце.

Хорошо им стоять и смотреть, Красить рты в жестяных поцелуях, —Только мне, как псаломщику, петь

Над родимой страной аллилуйя.

Оттого-то в сентябрьскую склень

На сухой и холодный суглинок, Головой разможась о плетень, Облилась кровью ягод рябина.

Оттого-то выросла тужиль

В переборы тальянки звонкой.

И соломой пропахший мужик

Захлебнулся лихой самогонкой.

1920

Исповедь хулигана

Не каждый умеет петь,

Не каждому дано яблоком

Падать к чужим ногам.

Сие есть самая великая исповедь, Которой исповедуется хулиган.

Я нарочно иду нечесаным,

С головой, как керосиновая лампа, на плечах.

Ваших душ безлиственную осень

Мне нравится в потемках освещать.

Мне нравится, когда каменья брани

Летят в меня, как град рыгающей грозы, Я только крепче жму тогда руками

Моих волос качнувшийся пузырь.

Так хорошо тогда мне вспоминать

Заросший пруд и хриплый звон ольхи, Что где-то у меня живут отец и мать, Которым наплевать на все мои стихи, Которым дорог я, как поле и как плоть, Как дождик, что весной взрыхляет зелена.

Они бы вилами пришли вас заколоть

За каждый крик ваш, брошенный в меня.

Бедные, бедные крестьяне!

Вы, наверно, стали некрасивыми, Так же боитесь Бога и болотных недр.

О, если б вы понимали,

Что сын ваш в России

Самый лучший поэт!

Вы ль за жизнь его сердцем не индевели, Когда босые ноги он в лужах осенних макал?

А теперь он ходит в цилиндре

И лакированных башмаках.

Но живет в нем задор прежней вправки

Деревенского озорника.

Каждой корове с вывески мясной лавки

Он кланяется издалека.

И, встречаясь с извозчиками на площади, Вспоминая запах навоза с родных полей, Он готов нести хвост каждой лошади, Как венчального платья шлейф.

Я люблю родину.

Я очень люблю родину!

Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь.

Приятны мне свиной испачканные морды

И в тишине ночной звенящий голос жаб.

Я нежно болен вспоминаньем детства, Апрельских вечеров мне снится хмарь и сырь.

Как будто бы на короточки погреться

Присел наш клен перед костром зари.

О, сколько я на нем яиц из гнезд вороньих, Карабкаясь по сучьям, воровал!

Все тот же ль он теперь, с верхушкою зеленой?

По-прежнему ль крепка его кора?

А ты, любимый,

Верный пегий пес?!

От старости ты стал визглив и слеп

И бродишь по двору, влача обвисший хвост, Забыв чутьем, где двери и где хлев.

О, как мне дороги все те проказы, Когда, у матери стянув краюху хлеба, Кусали мы с тобой ее по разу, Ни капельки друг другом не погребав.

Я всё такой же.

Сердцем я всё такой же.

Как васильки во ржи, цветут в лице глаза.

Стеля стихов злаченные рогожи, Мне хочется вам нежное сказать.

Спокойной ночи!

Всем вам спокойной ночи!

Отзвенела по траве сумерек зари коса...

Мне сегодня хочется очень

Из окошка луну...

Синий свет, свет такой синий!

В эту синь даже умереть не жаль.

Ну так что ж, что кажусь я циником, Прицепившим к заднице фонарь!

Старый, добрый, заезженный Пегас, Мне ль нужна твоя мягкая рысь?

Я пришел, как суровый мастер, Воспеть и прославить крыс.

Башка моя, словно август, Льется бурливых волос вином.

Я хочу быть желтым парусом

В ту страну, куда мы плывем.

Ноябрь 1920

Русь советская

А. Сахарову

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело.

На переключке дружбы многих нет.

Я вновь вернулся в край осиротелый, В котором не был восемь лет.

Кого позвать мне? С кем мне поделиться

Той грустной радостью, что я остался жив?

Здесь даже мельница – бревенчатая птица

С крылом единственным – стоит, глаза

смежив.

Я никому здесь не знаком, А те, что помнили, давно забыли.

И там, где был когда-то отчий дом, Теперь лежит зола да слой дорожной пыли.

А жизнь кипит.

Вокруг меня снуют

И старые и молодые лица.

Но некому мне шляпой поклониться, Ни в чьих глазах не нахожу приют.

И в голове моей проходят роем думы: Что родина?

Ужели это сны?

Ведь я почти для всех здесь пилигрим

угрюмый

Бог весть с какой далекой стороны.

И это я!

Я, гражданин села,

Которое лишь тем и будет знаменито, Что здесь когда-то баба родила

Российского скандального пиита.

Но голос мысли сердцу говорит: «Опомнись! Чем же ты обижен?

Ведь это только новый свет горит

Другого поколения у хижин.

Уже ты стал немного отцветать, Другие юноши поют другие песни.

Они, пожалуй, будут интересней —Уж не село, а вся земля им мать».

Ах, родина! Какой я стал смешной.

На щеки впалые летит сухой румянец.

Язык сограждан стал мне как чужой, В своей стране я словно иностранец.

Вот вижу я:

Воскресные сельчане

У волости, как в церковь, собрались.

Корявыми, немытыми речами

Они свою обсуживают «жись».

Уж вечер. Жидкой позолотой

Закат обрызгал серые поля.

И ноги босые, как телки под ворота, Уткнули по канавам тополя.

Хромой красноармеец с ликом сонным, В воспоминаниях морщина лоб, Рассказывает важно о Буденном, О том, как красные отбили Перекоп.

«Уж мы его – и этак и раз-этак, —Буржуя этого... которого... в Крыму...»

И клены морщатся ушами длинных веток, И бабы охают в немую полутьму.

С горы идет крестьянский комсомол, И под гармонику, наяривая рьяно, Поют агитки Бедного Демьяна, Веселым криком оглашая дол.

Вот так страна!

Какого ж я рожна

Орал в стихах, что я с народом дружен?

Моя поэзия здесь больше не нужна, Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Ну что ж!

Прости, родной приют.

Чем сослужил тебе – и тем уж я доволен.

Пускай меня сегодня не поют —Я пел тогда, когда был край мой болен.

Приемлю всё.

Как есть всё принимаю.

Готов идти по выбитым следам.

Отдам всю душу октябрю и маю, Но только лиры милой не отдам.

Я не отдам ее в чужие руки, Ни матери, ни другу, ни жене.

Лишь только мне она свои вверяла звуки

И песни нежные лишь только пела мне.

Цветите, юные! И здоровейте телом!

У нас иная жизнь, у вас другой напев.

А я пойду один к неведомым пределам, Душой бунтующей навеки присмирив.

Но и тогда,

Когда на всей планете

Пройдет вражда племен,

Исчезнет ложь и грусть, —Я буду воспевать

Всем существом в поэте

Шестую часть земли

С названьем кратким «Русь».

1924

Письмо к женщине

Вы помните,

Вы всё, конечно, помните, Как я стоял,

Приблизившись к стене,

Взволнованно ходили вы по комнате

И что-то резкое

В лицо бросали мне.

Вы говорили:

Нам пора расстаться,

Что вас измучила

Моя шальная жизнь,

Что вам пора за дело приниматься, А мой удел — Катиться дальше, вниз.

Любимая!

Меня вы не любили.

Не знали вы, что в сонмище людском

Я был, как лошадь, загнанная в мыле, Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы,

Что я в сплошном дыму,

В развороченном бурей быте

С того и мучаюсь, что не пойму — Куда несёт нас рок событий.

Лицом к лицу

Лица не увидеть.

Большое видится на расстоянье.

Когда кипит морская гладь, Корабль в плачевном состоянье.

Земля – корабль!

Но кто-то вдруг

За новой жизнью, новой славой

В прямую гуцу бурь и вьюг

Ее направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе большой

Не падал, не блевал и не ругался?

Их мало, с опытной душой, Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я,

Под дикий шум,

Но зрело знающий работу,

Спустился в корабельный трюм, Чтоб не смотреть людскую рвоту.

Тот трюм был —

Русским кабаком.

И я склонился над стаканом, Чтоб, не страдая ни о ком, Себя сгубить

В угаре пьяном.

Любимая!

Я мучил вас,

У вас была тоска

В глазах усталых:

Что я пред вами напоказ

Себя растрчивал в скандалах.

Но вы не знали,

Что в сплошном дыму,

В развороченном бурей быте

С того и мучаюсь,

Что не пойму,

Куда несет нас рок событий...

... ..

Теперь года прошли.

Я в возрасте ином.

И чувствую и мыслю по-иному.

И говорю за праздничным вином: Хвала и слава рулевому!

Сегодня я

В ударе нежных чувств.

Я вспомнил вашу грустную усталость.

И вот теперь

Я сообщить вам мчусь,

Каков я был

И что со мною случилось!

Любимая!

Сказать приятно мне:

Я избежал паденья с кручи.

Теперь в Советской стороне

Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем,

Кем был тогда.

Не мучил бы я вас,

Как это было раньше.

За знамя вольности

И светлого труда

Готов идти хоть до Ла-Манша.

Простите мне...

Я знаю: вы не та —

Живете вы

С серьезным, умным мужем; Что не нужна вам наша маета, И сам я вам

Ни капельки не нужен.

Живите так,

Как вас ведет звезда,

Под кущей обновленной сени.

С приветствием,

Вас помнящий всегда

Знакомый ваш

Сергей Есенин.

1924

Письмо от матери

Чего же мне

Еще теперь придумать,

О чем теперь

Еще мне написать?

Передо мной

На столике угрюмом

Лежит письмо,

Что мне прислала мать.

Она мне пишет:

«Если можешь ты,

То приезжай, голубчик,

К нам на святки.

Купи мне шаль,

Отцу купи порты,

У нас в дому

Большие недостатки.

Мне страх не нравится,

Что ты поэт,

Что ты сдружился

С славою плохую.

Гораздо лучше б

С малых лет

Ходил ты в поле за сохой.

Стара я стала

И совсем плоха,

Но если б дома

Был ты изначала,

То у меня

Была б теперь сноха

И на ноге

Внучонка я качала.

Но ты детей

По свету растерял,

Свою жену

Легко отдал другому,

И без семьи, без дружбы,

Без причал

Ты с головой

Ушел в кабацкий омут.

Любимый сын мой,

Что с тобой?

Ты был так кроток,

Был так смиренен,

И говорили все наперебой: Какой счастливый

Александр Есенин!

В тебе надежды наши

Не сбылись,

И на душе

С того больней и горше,

Что у отца

Была напрасной мысль,

Чтоб за стихи

Ты денег брал побольше.

Хоть сколько б ты

Ни брал,

Ты не пошлешь их в дом,

И потому так горько

Речи льются,

Что знаю я

На опыте твоём:

Поэтам деньги не даются.

Мне страх не нравится,

Что ты поэт,

Что ты сдружился

С славою плохую.

Гораздо лучше б

С малых лет

Ходил ты в поле за сохой.

Теперь сплошная грусть,

Живем мы, как во тьме.

У нас нет лошади.

Но если б был ты в доме,

То было б всё,

И при твоём уме —

Пост председателя

В волисполкоме.

Тогда б жилось смелей,

Никто б нас не тянул,

И ты б не знал

Ненужную усталость,

Я б заставляла

Прясть

Твою жену,

А ты, как сын,

Покоил нашу старость».

... ..

Я комкаю письмо,

Я погружаюсь в жуть.

Ужель нет выхода

В моем пути заветном?

Но всё, что думаю,

Я после расскажу.

Я расскажу

В письме ответном...

1924

Ответ

Старушка милая,

Живи, как ты живешь.

Я нежно чувствую

Твою любовь и память.

Но только ты

Ни капли не поймешь —

Чем я живу

И чем я в мире занят.

Теперь у вас зима.

И лунными ночами,

Я знаю, ты

Помыслишь не одна,

Как будто кто

Черемуху качает

И осыпает

Снегом у окна.

Родимая!

Ну как заснуть в метель?

В трубе так жалобно

И так протяжно стонет.

Захочешь лечь,

Но видишь не постель,

А узкий гроб

И — что тебя хоронят.

Как будто тысяча

Гнусавейших дьячков,

Поет она плакидой —

Сволочь-вьюга!

И снег ложится

Вроде пяточков,

И нет за гробом

Ни жены, ни друга!

Я более всего

Весну люблю.

Люблю разлив

Стремительным потоком,

Где каждой щепке,

Словно кораблю,

Такой простор,

Что не окинешь оком.

Но ту весну,

Которую люблю,

Я революцией великой

Называю!

И лишь о ней

Страдаю и скорблю,

Ее одну

Я жду и призываю!

Но эта пакость —

Хладная планета!

Ее и Солнцем-Лениным

Пока не растопить!

Вот потому

С больной душой поэта

Пошел скандалить я,

Озорничать и пить.

Но время будет,

Милая, родная!

Она придет, желанная пора!

Недаром мы

Присели у орудий:

Тот сел у пушки,

Этот – у пера.

Забудь про деньги ты,

Забудь про всё.

Какая гибель?!

Ты ли это, ты ли?

Ведь не корова я,

Не лошадь, не осел,

Чтобы меня

Из стойла выводили!

Я выйду сам,

Когда настанет срок,

Когда пальнуть

Придется по планете,

И, воротясь,

Тебе куплю платок,

Ну, а отцу

Куплю я штуки эти.

Пока ж – идет метель,

И тысячей дьячков

Поет она плакидой —

Сволочь-вьюга.

И снег ложится

Вроде пяточков,

И нет за гробом

Ни жены, ни друга.

